

ТВОРЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ ЕВГЕНИЯ КИНДИНОВА

Заслуженный артист РСФСР Евгений КИНДИНОВ — представитель среднего поколения МХАТа. Он также популярный артист кино. С его творчеством знакомит корреспондент АПН.

...Мне уже приходилось встречаться с Евгением Киндиновым несколько лет назад. Беседа тогда с ним, я спрашивала, как он пришел в театр, чем увлекается в свободное время. Евгений рассказывал, как еще школьником посещал театральные кружки при Доме пионеров Киевского района Москвы, как именно в самостоятельности умные педагоги привили ему любовь к искусству. Рассказал и о своем увлечении географией («Знаете, что я иногда делаю, когда бываю один? Раскладываю карты и планы тех мест, где довелось побывать, и мысленно прохожу по знакомым улицам и площадям, проплываю мимо знакомых берегов. В детстве мечтал стать путешественником, ведь прекрасно узнавать новые страны, города, людей»). На вопрос: «какую роль хотел бы сыграть, он, не задумываясь», ответил: «Динамичную, с переживаниями, с побегами и борьбой». Чуть ли не в «Мышкетерах» хотел сняться... Сейчас на этот же вопрос Киндинов ответил так:

— Хотел бы сыграть Шекспира. Какой это «современ-

ный» автор! Для МХАТа, однако, Шекспир — еще загадка. Что-то у нас тут не получается. Репетировали недавно «Короля Лира», но решили пока оставить. Конечно, Шекспир властно тянет к себе, может быть, что-нибудь возьмем. Но вообще-то мне трудно говорить о личных планах, они целиком зависят от планов театра.

Зрители помнят, что большую популярность в начале творческого пути принесло Киндинову исполнение главных ролей в фильмах «Романс о влюбленных», «Молодые», «Городской романс», участие в других кинолентах.

Сейчас он с утра до позднего вечера занят на «Мосфильме», где заканчиваются съемки картины «Полет боевого применения». Киндинов играет капитана-пограничника, хорошего парня, с честью несущего свою нелегкую службу.

Если вспомнить киногероев Киндинова — врача Никитина, рабочего Николаева, кузнеца Костю, допризывника Сергея и других, то все они его сверстники, современники, люди, которые, пусть иногда и оши-

баются, но органически не в состоянии отстраниться от дел и забот страны, испытать душевную лень, самоуспокоенность.

— Всех этих ребят, — сказал как-то актер, — объединяет высокая человечность, правда, с позиций которой они настоятельно вмешиваются в жизнь. Подобно им, я и сам хотел бы жить, неизменно «вмешиваясь», никогда не почувствовать вялость сердца — самое, кажется, страшное, что может произойти с человеком.

То же Киндинов мог бы сказать и о своих театральных героях — матросе Рыбакове («Кремлевские куранты»), подручном сталевара Алексее («Сталевары»), Валентине («Валентин и Валентина»). Современная тема — в традициях Художественного театра, всегда говорившего всерьез о проблемах сегодняшнего дня.

— На современном материале, — считает артист, — можно напрямую без иносказаний, без перевода говорить о том, что сейчас волнует общество. Играя современников, актер должен жить тем, чем живут его герои, стремиться к тем же идеалам, что и они.

Остро чувствовать, страдать и смеяться сквозь слезы — вот миссия актера.

Евгений Киндинов занят и в классических спектаклях, например, в чеховских «Чайке», «Иванове», «Трех сестрах» — основном репертуаре МХАТа. Униженный Медведев; страдающий изысканный Доктор; неловкий, неприкаянный Солень — и внешне, и внутренне они диаметрально противоположны. И абсолютно разные краски находит для трактовки этих образов исполнитель, но в одном он остается неизменным: передает по-чеховски тончайшие душевные переживания героев, не броские, не яркие, но очень важные для человеческого характера черточки.

— Очень люблю Чехова, — признается Киндинов. — Он неподражаем в передаче мельчайших нюансов. Подумать только: люди пьют чай, а в это время решаются их судьбы... Не случайно сейчас во всем мире растет интерес к Чехову.

Однако Киндинов считает, что нынешний этап в его творчестве не самый лучший. Хотя, думается, такие роли, как Митя в «Братьях Карамазовых» Достоевского, Яков в «Последних» Горького, наряду с образами современников позволяют ему многое сказать, раскрыть свое многогранное дарование. А вот самые последние работы: Андрей Голубев в остросовременной пьесе

А. Гельмана «Наедине со всеми» и Мастер в инсценировке романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Пора зрелости... И подход к себе строже, и профессия видится совсем по-иному. Думается, что из последних работ Киндинова роль Голубева в спектакле «Наедине со всеми» для него этапная.

— Ее можно сыграть по-разному, — размышляет Киндинов, — можно подчеркнуть семейный скандал, выяснение отношений. Зал напряженно следит за размовкой мужа и жены (в пьесе лишь два действующих лица). Да, это интересно: то он берет верх, то она. А можно показать иное — прозрение человека. Неожиданно в один прекрасный день человек сорока с лишним лет заново проживает свою жизнь. Искренность роли привлекает меня больше, чем конфликтность. Это пьеса итогов, она говорит об очень распространенной болезни — человеческом конформизме, утере личных критериев. Голубев порой забывает о том, что он человек, все кладет к подножию выполнения планов. Не слишком ли это дорогая цена? Классики марксизма-ленинизма писали, что общество здорово, если здоров каждый из его членов, что уровень цивилизации определяется количеством свободного времени у общества, которым оно может распорядиться для самосовершенствования. Когда мы

со Светланой Коркошко недавно играли спектакль «Наедине со всеми» в Таллине, нас поразило, что тысяча людей два с половиной часа с таким потрясающим вниманием следит за словами, которые мы говорим. Значит, затронуто что-то, что болит у этой тысячи.

— Мы говорим о театре Товстоногова, театре Эфроса, Ефремова, а людей все больше привлекает личность актера, его внутренний мир...

— Здесь нет противоречия. Современный театр выдвигает на первый план переживание артиста на сцене, отсюда и интерес к личности исполнителя. Для некоторого числа зрителей, которым не очень повезло, это единственный человек, который с ним говорит серьезно, по возможности не обманывает. Значит ли это, что не имеют права на существование, скажем, музыкальные спектакли? Нет, конечно! Но ведь это пауза. В старину играли так: серьезная пьеса — потом водевильчик для отдыха. Итак, актер, его мысли, его интеллект... Но не он ведь главная фигура в театре! Сначала драматург, потом режиссер, затем уж исполнитель роли. По «режиссерский» театр понастоящему принимается тогда, когда он не самодовлеющий, а все подчиняет искусству актера.

И. ПАНОВА.